

Россия не собиралась. Поэтому соглашения 1896 г. нельзя рассматривать как компенсацию Стране восходящего солнца за потерю Японией Ляодуна и как решение русско-японских противоречий по Корее. Точнее будет сказать, что вопрос о будущем Кореи оказался пока отложен.

5.6. Корейская политика России в 1896 – начале 1898 гг.

Несмотря ни на что, коджон не оставлял попыток заручиться более масштабной и энергичной поддержкой России. Для этого он воспользовался поводом – коронацией Николая II. Для участия в торжественной церемонии в Москву было направлено специальное посольство во главе с Мин Ёнхваном. Корейцы надеялись получить от России помощь в создании национальной армии (в том числе 200 военных инструкторов), в совершенствовании государственного управления. Они также добивались согласия Петербурга соединить русские и корейские телеграфные линии и, наконец, предоставления займа в 3 млн. иен. А.Б. Лобанов-Ростовский дал корейцам уклончивые ответы, прямо не отвергая их ходатайства, но и не соглашаясь исполнить их. Единственным прямым «да» стала готовность соединить телеграфные линии, а «нет» – отказ охранять короля, если он покинет русскую миссию и переедет в свой дворец. Но для корейского посольства именно это являлось важнейшим вопросом. Министр иностранных дел явно уклонялся от прямого содействия Сеулу, чтобы не нарушать русско-японских договорённостей¹²⁵. Корейцы о них пока не знали и были явно озадачены¹²⁶. Они, вероятно, не понимали политическую линию Петербурга, который с трудом нащупывал равнодействующую линию между его политикой в Китае и отношениями с Сеулом и Токио.

Совсем иную оценку действий Петербурга дал Б.А. Романов, первым опубликовавший полный текст ответных пунктов России на просьбы корейского короля¹²⁷. Он усмотрел в них «сепаратную программу действий в Корее»,

---

который полагал, что российское руководство подписало соглашение с А. Ямагатой «в твёрдом намерении не считаться с принятыми на себя обязательствами», стремясь к установлению протектората над королевством (Романов Б.А. Указ. соч. С.144, 146).

¹²⁵ Б.Д. Пак решил, что Россия отказалась от договора с Кореей из-за того, что перед этим заключила договор с Китаем: «в Петербурге считали, что после подписания союзного договора с Китаем нет надобности в подписании такого же договора с Кореей» (Пак Б.Д. Указ. соч. С.258). Но секретное соглашение с Китаем появилось вовсе не из-за того, что Петербург был сильно обеспокоен безопасностью границ соседа. Россия преследовала, прежде всего, свою собственную выгоду – право на железную дорогу в Маньчжурии и, как в Петербурге надеялись, незамерзающий порт. От Кореи же в России ничего подобного в тот момент не хотели, единственный интерес заключался в нежелании видеть у своих сухопутных рубежей японцев.

¹²⁶ Пак Б.Д. Указ. соч. С.248–257.

¹²⁷ Романов Б.А. Указ. соч. С.143–145.

осуществляемую за спиной Японии, стремясь подчеркнуть значительные расходы с содержанием русско-японских соглашений Лобанов–Ямагата и Вебер–Комура. Однако следует посмотреть на ситуацию и с другой стороны: ничего принципиально нового русские ответы не содержали, представляя собой туманные обещания, большая часть которых так и не была выполнена. Скорее их можно рассматривать как желание уклониться от установления протектората, чем действительно ввести его.

Летом 1896 г. после успешных переговоров и заключения секретного соглашения с Пекином, предусматривавшем строительство КВЖД, а также двух договоров с Токио по Корее Петербург мог подвести черту под предшествовавшей дальневосточной политикой. Очевидно, что к этому моменту в ней начал господствовать С.Ю. Витте, сделавший ставку на экономическое проникновение в Китай. Корея в таких обстоятельствах отходила на задний план, играя прежде всего роль буфера по отношению к Японии. Правда, оставался ещё вопрос о приобретении незамерзающего порта, но министр финансов надеялся, что что его удастся получить в Китае, несмотря на неудачу переговоров об этом в 1896 г. в Москве с Ли Хунчжаном. Тем не менее, после того как обсуждение вопроса о незамерзающем порте завершилось безрезультатно, С.Ю. Витте сразу обозначил своё внимание к корейским делам¹²⁸.

В сентябре 1896 г. министр финансов встревожился в связи с вопросом о ширине колеи на строящихся в Корее железных дорогах. Указом короля 3 июля 1896 г. для трассы Сеул–Чемульпо, которую планировали соорудить американцы (Д. Морс), была разрешена узкая, европейская колея¹²⁹. Её же намеревались использовать французы, получившие концессию на дорогу Сеул–Ыйчжу¹³⁰. После этого С.Ю. Витте обратился с просьбой к Н.П. Шишкину, чтобы МИД настоял на отказе от такого решения: министр финансов планировал построить ветку от КВЖД на соединение с корейскими дорогами. До этого, когда К.И. Вебер обратил внимание МИДа на вопрос о ширине

¹²⁸ Там же. С.147–158.

¹²⁹ В 1895 г., заключая договор с Японией, корейское правительство обязалось немедленно приступить к сооружению железных дорог Сеул–Инчхон и Сеул–Пусан. Однако из-за событий осени 1895 г. концессия на сооружение дороги Сеул–Инчхон была передана американцу Д. Морсу, невзирая на протесты японцев. Он начал строительство в марте 1897 г., но вскоре начал искать денег и заговорил о продаже концессии, которую были готовы приобрести японцы. Однако в марте 1898 г. Д. Морс продал свою концессию французской фирме «Фив-Лилль» за 3 млн. иен (Шипаев В.И. Указ. соч. С.34–36).

¹³⁰ Романов Б.А. Указ. соч. С.151. Однако за три года фирма «Фив-Лилль» так и не начала строительства, после чего концессия была аннулирована, а сооружение дороги передали корейским компаниям. Они начали работу в 1902 г., но делали дорогу очень медленно (Шипаев В.И. Указ. соч. С.38–39).

железнодорожной колеи в Корее, он даже не получил ответа¹³¹. Российские дипломаты быстро добились того, что королевский указ был отменён в начале 1897 г.¹³² 5 декабря 1896 г. Министерство финансов также запросило у внешнеполитического ведомства информацию об экономическом положении Кореи и об инициативе дипломата Н.А. Шуйского, выступившего ещё в 1889 г. с идеей открытия православной миссии на полуострове¹³³.

Вопрос же о корейском займе более всего волновал МИД, но не министра финансов. Внешнеполитическое ведомство встревожили слухи о готовящемся внешнем займе Кореи, упоминавшие Японию, Англию и Францию. Российский МИД посоветовал королю не брать денег за границей, пока в королевство не придет чиновник Министерства финансов¹³⁴. Командировка представителя Министерства финансов в Китае Д.Д. Покотилова в Корею состоялась с 13 августа до 6 ноября 1896 г.¹³⁵ Чиновник не усмотрел принципиальных препятствий для займа, хотя и отметил крайнюю примитивность корейских финансов¹³⁶. 1 ноября 1896 г. С.Ю. Витте согласился предоставить королевству деньги через Русско-Китайский банк под обеспечение податями и таможенными доходами и при условии наблюдения за поступлением государственных доходов со стороны русского чиновника¹³⁷. Столь осторожное отношение к займу и его жёсткие условия отражали не только заботу С.Ю. Витте о русской казне, но и свидетельствовали, что для министра финансов он не носил политического характера. Тем не менее, наверняка С.Ю. Витте взвешивал заём и отношения с Японией, не имея возможности в тот момент принять точное и аргументированное решение. Поэтому, несмотря на то, что король немедленно согласился на условия предоставления займа, далее сановник стал тянуть с предоставлением денег. Возможно, неторопливость главного в тот момент архитектора российской дальневосточной политики вызывалась неясным для него исходом

¹³¹ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.61–62.

¹³² Пак Ро Бёг. Борьба капиталистических держав за железнодорожные концессии в Корее в конце XIX – начале XX веков и позиция России // Россия и народы стран Востока. Иркутск, 1993. С.55.

¹³³ Волохова А.А. Из истории российской политики на Дальнем Востоке: МИД, Министерство финансов и учреждение духовной миссии в Корее // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №4. С.115.

¹³⁴ А.Б. Лобанов-Ростовский – К.И. Веберу 25 июня 1895 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.80. Л.6.

¹³⁵ Японский заём в 3 млн. иен Корея должна была погасить в 1898–1899 гг. (Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.198, 200. У Б.Б. Пак в одном месте говорится о иенах, в другом – о мексиканских долларах). Один мексиканский доллар по курсу 1894 г. составлял 0,65 российского рубля, в 1895 г. – 0,67. Иена почти равнялась рублю.

¹³⁶ Романов Б.А. Указ. соч. С.153–154.

¹³⁷ АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.80. Л.14.

переговоров о незамерзающем порте с Китаем: надеясь на успешный их результат, он предпочитал ждать¹³⁸. Действия С.Ю. Витте ещё раз свидетельствовали о том, что Корея не рассматривалась им как цель российской политики, а играла в его комбинациях лишь второстепенное место.

Российское руководство избрало тактику оттяжек и обещаний, понимая, что выполнение желаний корейского монарха в полном объёме невозможно, в том числе из-за русско-японских соглашений. Но проблемы в Корее существовали, их требовалось решать, если не с помощью России, то других стран. Так, летом 1896 г. корейские таможи возглавил англичанин Л. Броун, быстро урегулировавший финансы королевства. Благодаря его усилиям Корея избавилась от хронического дефицита бюджета и сумела по итогам 1896 г. выплатить Японии 1 млн. иен. К осени 1897 г. Л. Броун планировал погасить ещё 1,4 млн. иен¹³⁹. Тем не менее, король не отказался от желания вовлечь Россию в корейские дела. Чтобы подтолкнуть Петербург к более решительным действиям, он начал привлекать русских к освоению горных и лесных богатств королевства.

10 (22) апреля 1896 г. благовещенский мещанин М.Д. Нищенский стал обладателем обширной концессии на 15 лет на разработку золота и других полезных ископаемых в части провинции Хамкиондо при условии выплаты королю 25% от добытого. В тексте соглашения оговаривалась также возможность для М.Д. Нищенского вести монопольную разработку золота, серебра и каменного угля по всей Корее, если ему удастся обнаружить новые месторождения (коварная статья, так как корейцы могли объявить любое из них давно известным). Кроме того, концессионер получал широкие права по заготовке необходимого ему леса, право приглашать специалистов из России в неограниченном количестве (только чернорабочих следовало набирать обязательно из корейцев), иммунитет от вмешательства чиновников и разрешение на беспрепятственный вывоз добытых благородных металлов¹⁴⁰. Предоставление заурядному авантюристу столь обширных полномочий носило, без сомнения, политический характер.

Свою концессию М.Д. Нищенский получил при активном содействии Н.Г. Матюнина, служившего тогда ещё пограничным комиссаром. По-

¹³⁸ Б.А. Романов приписал это «боязни потерь», полагая, что министр финансов действовал, «не отдавая себе отчёта в политических последствиях такой медлительной тактики» (Романов Б.А. Указ. соч. С.154).

¹³⁹ В. Полянский – Д.Д. Покотилкову 5 мая 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.53. Л.17–19.

¹⁴⁰ Концессионный договор (копия) // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.73. Л.3, 5; Д.107. Л.12–16. Концессию М.Д. Нищенского планировал перекупить Н.И. Непорожнев, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что её условия невыгодны (в частности, отчисление 25% добытого металла в пользу короля), а район разработок был выбран крайне неудачно.

видимому, благодаря его настоянию в концессии появился пункт, разрешавший иметь специальную охрану предприятия из русских солдат. Н.Г. Матюнин объяснял свои усилия необходимостью покровительствовать русским предпринимателям в Корее, если даже они имели сомнительную репутацию¹⁴¹. Правда, такую же сомнительную репутацию заработал и сам Н.Г. Матюнин: он потребовал от М.Д. Нищенского за помощь отчисления 5% добываемого металла в пользу своей супруги, для чего намеревался ввести её в состав пайщиков предприятия. Кажется, этого концессионеру удалось избежать. Впрочем, он так и не приступил к использованию полученных им прав из-за отсутствия денег.

28 августа (9 сентября) 1896 г. владивостокский купец I гильдии Ю.И. Бринер получил от корейского короля право на разработку лесных массивов площадью около 5000 квадратных вёрст на севере Кореи в бассейне пограничной реки Ялу сроком на 20 лет под залог всего в 15 тыс. руб. Концессионеру также давались широкие права: строить заводы и мастерские, прокладывать шоссейные и железные дороги и т.п. Со своей стороны Ю.И. Бринер обязывался начать рубку леса не позже, чем через пять лет после выдачи концессии, в противном случае она аннулировалась¹⁴². Такой широкий объём прав свидетельствовал, что эта концессия была выдана явно с политическими целями.

Эти две концессии стали наиболее яркими примерами активности подданных России в королевстве в эти (1896–1897) годы. Можно привести и другие, в частности, деятельность отставного генерала С.А. Соломко, домогавшегося целого ряда концессий (преимущественно угольных) с монопольными правами¹⁴³. Эти факты нельзя рассматривать как движение российского капитала в королевство: ходатаями за концессиями выступали, как правило, люди с авантюристическим складом характера, не имевшие ни приличной деловой репутации, ни достаточных средств для реализации полученных прав. Конечно, они рассчитывали выгодно продать данные им возможности. Показательно, что ни в одном случае они не пользовались поддержкой и кредитом Министерства финансов, без чего была невозможна любая успешная деятельность на Дальнем Востоке.

---

¹⁴¹ Н.Г. Матюнин – К.И. Веберу 3 мая 1896 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.73. Л.10–11. Согласно имеющейся справке, М.Д. Нищенский, благовещенский мещанин, занимавшийся торговлей, в 1894 г. был обвинён в убийстве, но не был осуждён из-за недостаточности улик (Там же. Л.9).

¹⁴² Текст концессии опубликован в книге: Гиппиус А.И. О причинах нашей войны с Японией. С приложениями (документы). СПб., 1905. С.52–55. Подробнее об истории концессии Бринера см. главу 9 «Безобразовцы: царская “неофициальная” политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.»

¹⁴³ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 25 сентября 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.55–57.

Расположение короля к России вызвалось, конечно, интересами его борьбы с прояпонской партией, которая за несколько лет значительно усилилась. Готовность монарха идти на уступки не надо преувеличивать, она вовсе не была безграничной. Коджон не делал ставку исключительно на Россию: в это же время он выдал концессию на строительство железной дороги от Сеула до устья р. Ялу французской компании, зато японцам, просившим концессию на железную дорогу Сеул–Фузан, отказал¹⁴⁴.

Свои обещания Россия медленно, но выполняла. 9 (21) октября 1896 г. в королевство прибыли 3 российских офицера и 10 унтер-офицеров и врач для создания корейской армии¹⁴⁵. Предполагалось, что их число вскоре существенно увеличится, так как перед ними стояла задача – подготовить по проекту Д.В. Путяты 40-тыс. корпус для защиты королевства. Из неторопливости Петербурга следует, что он по-прежнему не имел внятного представления, как использовать свои возможности в Корее.

Официальный курс России в королевстве как бы застрял между двумя определёнными, власть никак не могла сделать выбор, стремилась балансировать, понимая неустойчивость и недолговечность такой политики. Анализ ситуации вокруг Кореи попытался сделать новый (с февраля 1897 г.) посланник России в Токио Р.Р. Розен. Он исходил из того, что Япония готовится к войне за Корею. Интерес России в королевстве – это незамерзающая гавань, но безопасность её нельзя обеспечить влиянием или протекторатом: «такой порт не может быть построен иначе как на русской территории». Япония, «убедясь окончательно в невозможности прийти к соглашению с нами по корейским делам, несомненно станет искать опоры у Англии и столь же несомненно найдёт у неё готовность оказать ей нравственную, по крайней мере, поддержку»¹⁴⁶. Россия же не имеет союзников, так как ни Германия, ни Франция не поддержат её прямо в случае возникновения военного конфликта на Дальнем Востоке¹⁴⁷. Союзный договор с Китаем не следует принимать в расчёт в силу слабости китайской армии. К тому же Япония сделает всё, чтобы перетянуть Пекин на

¹⁴⁴ Справка «Вопрос о заключении займа для корейского правительства» // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.21. Л.91–95.

¹⁴⁵ Позднее их число увеличилось до 6 офицеров и 20 унтер-офицеров (Старый консул. Россия в Корее. История одного неудавшегося мирного завоевания. Из воспоминаний и переживаний свидетеля и очевидца // Возрождение. 1935. 11 апреля. №3599. С.2). Подробнее об этом см.: Афанасьев-1-ый, Грудзинский Н. Русские инструкторы в Корее в 1896–1898 гг. Хабаровск, 1898; Симанский П.Н. Указ. соч. С.214–218; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.648–674.

¹⁴⁶ Розен Р.Р. Добавление к «Записке о положении России на Крайнем Востоке» 12 апреля 1897 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.200. Л.57–57 об.

¹⁴⁷ Розен Р.Р. Записка о положении России на Крайнем Востоке 12 апреля 1897 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.200. Л.73 об.

свою сторону¹⁴⁸. Выход Р.Р. Розен искал в том, чтобы немедленно вооружиться и держать на окраине армию численностью не менее 75 тыс. человек. Тогда же, «когда мы будем достаточно сильны на Крайнем Востоке, чтобы вопреки Японии и Англии установить и упрочить свой протекторат над Кореею, мы будем также достаточно сильны, чтобы прямо присоединить к России всю Корею. Но этот день так далёк, что о нём покамест позволительно только мечтать»¹⁴⁹. Пока же, по мнению Р.Р. Розена, следовало озаботиться немедленным приобретением порта в Корее и искать договорённости с Японией относительно раздела королевства. Вождеделение приобрести весь полуостров, по его оценке, не могло быть основанием для политики¹⁵⁰.

В.Н. Ламздорф же в инструкции, данной в мае 1897 г. барону, подчеркнул, что Россия не имеет намерения присоединить Корею, но продолжит бороться с происками японцев в королевстве. Ему также следовало стремиться к усилению в королевстве «нашего политического влияния для того, чтобы Корея, подпав под влияние какой-либо другой державы, не сделалась для нас если не опасным, то, во всяком случае, таким соседом, с которым придётся считаться в эпохи политических осложнений». Одновременно граф на первое место в российской дальневосточной политике поставил установление дружеских отношений с Японией. Противореча своему же тезису о недопустимости укрепления в Корее других держав, товарищ министра отдавал торговые преимущества в королевстве Токио¹⁵¹. От таких указаний у дипломатов вряд ли могло сложиться внятное впечатление, каким образом возможно исполнить желаемое Петербургом. Вдобавок в России вообще не воспринимали корейское руководство как способное на какие-то самостоятельные шаги. При всей слабости центральной власти в королевстве это всё-таки было ошибкой. Само по себе действовало Морское министерство: моряки в это время активно присматривали себе удобную бухту в Корее. В частности, в феврале 1897 г. они провели картографическую съёмку острова Кожедо (Каргодо), убеждённые, что Петербург готовится захватить и укрепить остров в ответ на японскую угрозу завоевать королевство¹⁵². Однако такое заключение оказалось поспешным. Весной 1897 г. Р.Р. Розен перед от-

¹⁴⁸ Розен Р.Р. О значении нашего союза с Китаем ввиду наших отношений с Японией 18 апреля 1897 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.200. Л.60–65.

¹⁴⁹ Розен Р.Р. Добавление к «Записке о положении России на Крайнем Востоке» 12 апреля 1897 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.200. Л.57 об. – 58.

¹⁵⁰ Розен Р.Р. Записка о положении России на Крайнем Востоке 12 апреля 1897 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.200. Л.97–98.

¹⁵¹ Проект инструкции Р.Р. Розену, одобренный Николаем II 9 мая 1897 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.29–29 об.; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн.2: 1888–1897. М., 2004. С.220–221.

¹⁵² Цывинский Г.Ф. 50 лет в императорском флоте. Рига, [1921]. С.157.

правлением в Японию имел разговор с П.П. Тыртовым и был крайне удивлён «совершенною неопределённостью вожелений Морского министерства». Справедливости ради, надо признать, что моряки находились перед крайне сложным выбором. Порт Лазарев они сами признали негодным, а бухта на южной оконечности полуострова (Масанпо или Кожедо) обуславливала захват всей Кореи: обязательным условием незамерзающего порта являлась железная дорога к нему. Этого требовали соображения безопасности коммуникаций нового порта: Россия была слишком слаба, чтобы конкурировать на море с флотами крупнейших держав, особенно – британским¹⁵³.

Между тем, ситуация в Корее вскоре изменилась. Король, 5 (17) февраля 1897 г. ещё выражавший желание остаться в миссии до весны, 7 (19) февраля вдруг изменил свои намерения и 8 (20) февраля покинул российское представительство, не дав даже прощальной аудиенции дипломатам¹⁵⁴. Вероятно, поспешный отъезд монарха из миссии был связан с пониманием безнадёжности и бесперспективности ставки на Россию¹⁵⁵. Ему ничего не оставалось как пойти на уступки сильному «Клубу независимости»¹⁵⁶. Естественно, что о прежних симпатиях к России после этого следовало забыть. Положение русских дел в Корее тут же начало «сильно портиться». Ряд российских коммерсантов, давно хлопотавших в Сеуле о крупных концессиях, немедленно получили отказ.

---

¹⁵³ Губастов К.А. Мемуары. IX Азиатский департамент 1895–1897 // ОР ИРЛИ. Ф.212. Оп.1. №18. Л.136–136 об.

¹⁵⁴ Нельзя связывать отъезд короля из миссии с публикацией в Японии текстов русско-японских соглашений по Корее 1896 г. в искажённом переводе, включая и секретные статьи, – они появились в японской печати 27 февраля 1897 г. (Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.185). Это, кстати, было сделано с согласия Петербурга (Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.636). Другое дело, что в дальнейшем это не способствовало хорошему отношению монарха к России (Пак Б.Д. Указ. соч. С.274–275).

¹⁵⁵ Б.Д. Пак связал отъезд короля в первую очередь с давлением на него части государственного аппарата и населения (Пак Б.Д. Указ. соч. С.268–269). Но эти аргументы звучат не вполне убедительно: до того давление на коронника почему-то не мешало ему занимать прорусскую ориентацию и находиться в миссии.

¹⁵⁶ «Клуб независимости» был создан весной 1896 г. при поддержке короля под лозунгом борьбы против засилья иностранцев. В него вошло до 1–2 тыс. влиятельных лиц. Вскоре оказалось, что больше всего «клуб независимости» возмущает русское присутствие в королевстве. В частности, меморандум 11 (23) февраля 1898 г. был во многом реакцией на слишком активную деятельность А.Н. Шпейера. Члены «клуба» пошли дальше: осенью 1898 г. они выступили уже за проведение широких реформ в королевстве и 8 (20) октября создали даже народное собрание – прототип парламента. Давление на слабого и испуганного короля было нешуточным, 15 (27) октября ему пришлось ввести в Корее свободу собраний и слова. Одновременно монарх повёл дело к роспуску «клуба независимости», и в начале 1899 г. он прекратил существование (Россов П. Национальное самосознание корейцев. СПб., 1906. С.22–25).

Так, концессию, аналогичную правам М.Д. Нищенского, – на разработку золота и каменного угля в одном из округов провинции Хамкиондо и вдоль реки Тюмень – хотели получить серьёзные предприниматели – владелец пароходства М.Г. Шевелёв и влиятельный тяньцзинский купец А.Д. Старцев. Дело было поставлено значительно шире, чем у М.Д. Нищенского или Ю.И. Бринера (в нём участвовало 11 «русских капиталистов», в том числе трое из Петербурга). Но они в отличие от предшественников озаботились получением концессии слишком поздно – в феврале 1897 г., когда король уже покинул российскую миссию в Сеуле¹⁵⁷. Попытка К.И. Вебера содействовать соотечественникам привела лишь к тому, что прямой отказ был заменён на стандартные для иностранцев финансовые условия (отчисление четверти валового дохода в пользу короны), которые российские деятели считали неприемлемыми¹⁵⁸. Соответственно, выросло влияние сторонников Японии, а концессии начали получать выходцы из Страны восходящего солнца.

Тем не менее, кордон всё-таки стремился сохранить присутствие России на полуострове. Король и военный министр настояли на подписании соглашения о приглашении русских военных инструкторов (в дополнение к прибывшим 6 офицерам и 20 унтер-офицерам), несмотря на то, что эта идея встретила оппозицию в корейском Государственном совете: «некоторые дали уклончивый ответ, другие предложили удовольствоваться меньшим числом инструкторов»¹⁵⁹. На стороне оппозиции оказался министр иностранных дел М.Н. Муравьёв, который тормозил дальнейшую отправку офицеров, опасаясь осложнений отношений с Японией и полагая, что момент для командирования офицеров «не вполне удобен»¹⁶⁰. Граф также считал, что план Д.В. Путяты о создании 40-тыс. корейской армии был сильно раздут, хватило бы и 3-х тыс.¹⁶¹ Наконец, в мае 1897 г. российский МИД окончательно решил «повременить несколько принятием на себя переустройства корейских вооружённых сил»¹⁶².

¹⁵⁷ АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.103. См. об этом также: Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн.2: 1888–1897. М., 2004. С.219–220.

¹⁵⁸ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову [начало 1897 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.11. Л.94 об. – 95.

¹⁵⁹ Телеграммы К.И. Вебера в МИД 16 и 19 апреля 1897 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1897 г. Д.100. Л.12, 17.

¹⁶⁰ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.204–210.

¹⁶¹ Доверительное письмо М.Н. Муравьёва П.С. Ванновскому 22 февраля 1897 г., одобренное Николаем II (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.17–21. По мнению одного из российских дипломатов в Сеуле, для охраны короля и его дворца было вполне достаточно и двух батальонов, а 40-тыс. армия, рассчитанная на охрану границ королевства, не соответствовала возможностям корейских финансов (Старый консул. Россия в Корее. История одного неудавшегося мирного завоевания. Из воспоминаний и переживаний свидетеля и очевидца // Возрождение. 1935. 11 апреля. №3599. С.2).

¹⁶² Проект инструкции Р.Р. Розену, одобренный Николаем II 9 мая 1897 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.31. Иначе думали российские дипломаты. Уже 2 мая

Важным шагом на пути укрепления русского влияния стало решение 14 октября 1897 г. о замене Л. Броуна на К.А. Алексеева. Этим С.Ю. Витте обусловливал предоставление Корею займа¹⁶³. М.Н. Муравьев был изумлён тем, почему Министерство финансов медлит с назначением финансового советника и с займом. По его мнению, России следовало «включить пограничную нам Корею в сферу нашего политического влияния», пусть даже она не выполнит обязательств по займу («достижение известной цели иногда немислимо без затрат, и что если мы таким образом потеряем что-либо на займе, то мы можем вознаградить себя в ином направлении в смысле упрочения нашего влияния в Корею»)¹⁶⁴. Единственным разумным объяснением поведения С.Ю. Витте может служить ожидание результатов поездки князя Э.Э. Ухтомского в Пекин, состоявшейся в мае–июне 1897 г. Если бы князь решил все вопросы, интерес к Корею, вероятно, имел все шансы значительно угаснуть в глазах сановника.

Вопрос же о назначении К.А. Алексеева был решён лишь осенью 1897 г., несмотря на то, что министр финансов представил доклад об этом Николаю II 9 мая 1897 г.¹⁶⁵ 24 октября было определено его положение – при правительстве. Л. Броун покинул должность финансового советника короля, 4 ноября К.А. Алексеев занял его место, 26 ноября англичанин выразил желание остаться во главе корейских таможен и 6 декабря письменно согласился подчиниться русскому советнику¹⁶⁶. Два чиновника 2 января 1898 г. даже заклю-

---

1897 г. Е.Ф. Штейн писал Е.И. Алексееву о решении отказать Корею в инструкторах как ошибочном: «мы сами себе так испортили (по моему мнению, непоправимо) положение в Корею» (Е.Ф. Штейн – Е.И. Алексееву 2 мая 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.45. Л.32–33).

¹⁶³ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьеву 12 февраля 1897 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.80. Л.43–46.

¹⁶⁴ М.Н. Муравьев – С.Ю. Витте 8 марта 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.20. Л.191–199.

¹⁶⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С.155.

¹⁶⁶ Удивительно, но М.Н. Муравьев дезавуировал действия А.Н. Шпейера – К.А. Алексеева, приписав удаление Л. Броуна их личной инициативе и утверждал, что Петербург не имел ничего против британца. Конечно, англичане не поверили такому уверению, тем более, что они связали отношение к Л. Броуну с попыткой удалить от строительства Шанхайгуаньской железной дороги инженера К. Киндера, небезосновательно усмотрев в этих двух почти синхронных действиях политическую линию (Н. О'Конор – Р. Солсбери 20 января 1898 г. // PRO FO. 65/1552. P.47–52). Но, кажется, М.Н. Муравьев не лукавил, а действительно был не вполне в курсе реальных действий С.Ю. Витте и российских представителей в Корею. Когда в середине октября 1897 г. временный поверенный в делах Англии У. Гошен поднял в Петербурге вопрос о смещении Л. Броуна перед В.Н. Ламздорфом, тот сослался на своё полное неведение и посоветовал дипломату обратиться к директору Азиатского департамента А.К. Базили. Он тоже оказался неосведомлён, уверив англичан, что никаких распоряжений о смене Л. Броуна в Сеул не отправлялось. Из всего

чили между собой специальное соглашение. 7 января 1898 г. К.А. Алексеев встал во главе всех финансов королевства¹⁶⁷. Назначение российского чинов-

---

этого британский дипломат сделал вывод, что это была личная инициатива А.Н. Шпейера (У.Гошен–Р.Солсбери 30 октября и 1 ноября 1897 г. // PRO FO. 65/1534. P.75–80, 86–88). Далее А.К. Базили подтвердил эту догадку У. Гошена, сообщив ему, что А.Н. Шпейер превысил свои полномочия, действуя против Л. Броуна, о чём он, его начальник, сожалеет (У. Гошен – Р. Солсбери 14 декабря 1897 г. // PRO FO. 65/1534. P.163–166).

¹⁶⁷ Замену Л. Броуна на К.А. Алексеева А.Н. Шпейер приписал исключительно своим заслугам, о чём не преминул сообщить в родное министерство (телеграмма А.Н. Шпейера в МИД 21 октября 1897 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1897 г. Д.100. Л.44). Дипломат в красках изобразил, как он за две недели «ожесточённой и ежеминутной борьбы» с проанглийскими, прояпонскими и проамериканскими партиями вокруг короля и с министрами, особенно – иностранных дел, сумел одержать верх. Король же лишь «скорбел» о происходящем, не решаясь вмешаться. Лишь на аудиенции посланника 13 октября 1897 г. монарх сделал окончательный выбор в пользу К.А. Алексеева. Его назначение было оформлено специальным договором между А.Н. Шпейером и корейским Министерством иностранных дел. Российский дипломат ошибочно полагал, что всё влияние англичан в Корее держалось исключительно на Л. Броуне (черновик донесения А.Н. Шпейера М.Н. Муравьёву 18 ноября 1897 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.87. Л.32–34). Он действовал, не имея прямых указаний из министерства, так как полагал, что всякая уступка опасна для русских интересов. На телеграмме А.Н. Шпейера 21 октября 1897 г. Николай II оставил помету: «Шпейер молодец!!». С.Ю. Витте отстаивал назначение К.А. Алексеева «во главе финансового и таможенного управления Кореи» (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 24 октября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.12). МИД же выступал за осторожность в действиях и был против того, чтобы русский чиновник возглавлял корейские таможи. Поэтому внешнеполитическое ведомство не способствовало, а тормозило назначение К.А. Алексеева, несмотря на несколько просьб С.Ю. Витте (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 20 ноября 1897 г. // Там же. Л.36). М.Н. Муравьёв полагал, что назначение К.А. Алексеева во главе таможи невозможно, так как он и так уже стал советником короля (М.Н. Муравьёв – С.Ю. Витте 26 ноября 1897 г. // Там же. Л.37–38). Министр иностранных дел искал для противодействия любой повод. Так, он упёрся в мелочь: на чьей службе должен числиться К.И. Алексеев – на корейской или русской, добавив к этому, что настоящая минута весьма неудобна для давления на правительство королевства (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 18 ноября 1897 г. и ответное письмо министра иностранных дел 29 ноября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.75. Л.108–110, 114–115). Со своим решением не оказывать давления в Корее М.Н. Муравьёв ознакомил С.Ю. Витте уже после того, как он получил согласие Николая II, а поверенному в делах в Сеуле была послана соответствующая телеграмма (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.75. Л.114 об.). Вопрос о службе К.А. Алексеева вообще не стоил переписки: С.Ю. Витте с высочайшего соизволения уволил К.А. Алексеева из штата Министерства финансов с причислением его к Министерству же финансов в качестве чиновника особых поручений (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.75. Л.211–212). Такое решение вполне устроило К.А. Алексеева, его назначение главой корейских таможен прошло успешно, да и сам М.Н. Муравьёв ничего на это не возразил. Несогласие двух министров отразило не только расхождение их взглядов на корейскую политику России, но и проступающее за этим личное соперничество за влияние на дальневосточные дела. Министр финансов ответил коллеге тем же: когда он счёл возможным сообщить М.Н. Муравьёву проект служебного контракта К.А. Алексеева, оказалось, что глава внешнеполитического ведомства впервые слышит о таком документе, что он не преминул подчеркнуть в своем письме С.Ю. Витте

ника отразило противоречивость ситуации для корейского короля: с одной стороны, он понял, что не может полностью опираться на Россию, с другой стороны, выбор у монарха был крайне невелик, поэтому ему приходилось время от времени обращаться в Петербург за помощью. Так, в ноябре 1897 г. король просил Россию содействовать установлению официальных отношений королевства с Китаем¹⁶⁸.

В это же время оживился и вопрос об учреждении Русско-Корейского банка. До него в Корее действовали исключительно японские кредитные учреждения. В 1896 г. в королевстве обсуждалась идея создания национального банка, но дело не двинулось дальше разговоров. К.А. Алексеев полагал, что появление российского кредитного учреждения стало бы «прямым благодеянием для всех иностранцев в Сеуле, находящихся в прямой зависимости от произвола двух–трёх китайских купцов, взимающих самый варварский куртаж при размене векселей и чеков»¹⁶⁹. С.Ю. Витте представил Николаю II записку «Об учреждении Русско-Корейского банка»¹⁷⁰, где доказывал, что новый банк будет содействовать развитию русской торговли и предпринимательства, вспомнив о концессиях Ю.И. Бринера и М.Д. Нищенского как о хорошей почве для существования кредитного учреждения. Министр финансов только не упомянул, что в своё время он не оказал никакой поддержки ни М.Д. Нищенскому, ни Ю.И. Бринеру, даже когда последний приехал в Петербург в 1897 г. Конечно, для С.Ю. Витте не являлось секретом нежелание русских предпринимателей вкладывать деньги в дальневосточные концессии (из региона шёл заметный отток капитала в Европейскую Россию). Вряд ли банк мог действительно существовать на обслуживании двух концессий, они, по-видимому, являлись лишь предлогом. Некоторые обстоятельства учреждения банка скорее свидетельствуют, что он был призван стать политическим инструментом. На это не преминул ехидно указать М.Н. Муравьёв: российское руководство, призывая своих агентов действовать в королевстве с максимальной осторожностью и стремясь не испортить отношения с Японией, одновременно учреждало банк, нацеленный на борьбу с японским экономическим влиянием в королевстве, что вряд ли мог-

---

21 декабря 1897 г. (Там же. Л.150–151). Такой случай был отнюдь не единичен: дело дошло до того, что агент Министерства финансов в Китае Д.Д. Покотилев во многих своих телеграммах, отправляемых руководству, просил не сообщать их содержание в МИД (например: Там же. Л.49 и др.).

¹⁶⁸ Телеграмма А.Н. Шпейера в МИД 15 ноября 1897 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1897 г. Д.100. Л.57.

¹⁶⁹ К.А. Алексеев – П.М. Романову 2 октября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.7.

¹⁷⁰ С.Ю. Витте нужен был именно самостоятельный банк, а, к примеру, не филиал уже существующего Русско-Китайского банка: министр финансов ещё не установил над ним полный контроль и не мог позволить отвлечь значительные средства на осуществление операций, носивших не столько коммерческий, сколько политический характер.

ло являться коммерчески оправданным предприятием. Кроме того, «едва ли в наших выгодах [было] способствовать исчезновению последних преград той замкнутости, в которой жила Корея на пространстве многих веков», так как это приводило к экономическому преобладанию Японии в королевстве¹⁷¹. Не случайно банк получил права, не свойственные обычному кредитному учреждению: возможность делать займы без жёстких гарантий, приобретать концессии, брать на себя обязательства в сумме, в 20 раз превышающей уставной капитал в 500 тыс. руб. (фактический капитал банка составлял 3,1 млн. руб.). Объяснялось всё это просто: одной из главных задач Русско-Корейского банка являлось финансирование предполагавшегося строительства ветки от КВЖД к одному из корейских портов¹⁷².

Перемена во взглядах С.Ю. Витте на Корею была связана с вопросом о незамерзающем порте. Министр финансов пытался в 1896 и 1897 г. получить такую гавань в Китае, но безуспешно. Переломным моментом стал, по-видимому, визит в Китай Э.Э. Ухтомского в 1897 г. Ещё в марте 1897 г., при подготовке поездки Николай II поручил князю добиваться разрешения построить ветку от основной трассы КВЖД до одного из портов на Жёлтом море¹⁷³. Но как раз по этому вопросу переговоры князя завершились полной неудачей¹⁷⁴. Не удивительно, что после этого С.Ю. Витте обратил свой взор на Корею. Его сразу серьёзно обеспокоило сообщение Д.Д. Покотилова о падении русского влияния в королевстве¹⁷⁵. Сановник уже планировал протянуть от КВЖД ветку до порта Ыйчжу в устье реки Амноккан. Ему казалось, что «соединение нашей линии с китайской линией менее важно, чем ветвь к одному из портов Кореи»¹⁷⁶.

Однако история переговоров вокруг этой трассы свидетельствует о другом: как предприимчивые французские коммерсанты пытались выгодно перепродать концессию. План работ по её сооружению был составлен скорее для демонстрации намерений, так как их начало приходилось на сезон дождей. В связи с концессией циркулировал упорный слух, что японцы предлагали за неё 1 млн. американских долларов (это размер капитала в предприятии

---

¹⁷¹ Проект секретной инструкции Н.Г. Матюнину 23 декабря 1897 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.55–56.

¹⁷² П.М. Романов – С.Ю. Витте 8 марта 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.77. Л.8. Подробнее об этом см.: Чой Доккю. Указ. соч. С.32–72.

¹⁷³ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.78–80. Министр финансов намеревался использовать порт Ыйчжу (Пак Б.Д. С.286).

¹⁷⁴ Д.Д. Покотилев – А.И. Путилову 27 мая 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.114. Л.1–3; Романов Б.А. Указ. соч. С.170–172.

¹⁷⁵ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.78–80.

¹⁷⁶ П.М. Романов – Э.Э. Ухтомскому 6 июня 1897 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.425. Л.152.

Д. Морса), но французы якобы не согласились¹⁷⁷. Вслед за этим французский посол в Петербурге сообщил в МИД копию переписки вокруг этой дороги вместе с предложением, чтобы Россия гарантировала строительство трассы до китайской границы¹⁷⁸. Д.Д. Покотилов советовал воспользоваться моментом и «наложить руку» на эту дорогу¹⁷⁹. Пока шли переговоры, Россия заняла Порт-Артур, что привело к резкой смене политики. С.Ю. Витте решил, что гарантия эксплуатации железной дороги за границей невыгодна с финансовой точки зрения¹⁸⁰. А стратегическое значение она к тому времени утратила (точнее, так и не получила). Видимо, по той же причине министр финансов в 1898 г. был против приобретения концессии на железную дорогу Сеул–Инчхон (которую предложили К.А. Алексееву за 1,5 млн. долларов) и участия в сооружении магистрали Сеул–Фузан¹⁸¹.

Концессию на неё принадлежала американцу Д. Морсу, ей интересовались японцы. В начале декабря 1897 г. Петербург решил «до времени» не принимать предложение американца приобрести её, «дабы не придавать действиям нашим в Корее вызывающего характера»¹⁸². Несмотря на указание, посланник Н.Г. Матюнин намеревался действовать через компанию, пайщиком которой являлся бы Русско-Китайский банк¹⁸³. Однако С.Ю. Витте отклонил идею, сославшись на то, что тогда и японцы потребуют участия в концессии. В итоге они и купили её у Д. Морса¹⁸⁴. Но денег на строительство у Токио не было,

¹⁷⁷ В. Полянский – Д.Д. Покотилу 19 июля 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.53. Л.4–5.

¹⁷⁸ Памятка В.Н. Ламздорфа о железных дорогах в Корее [1898 г.] // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.145. Л.54.

¹⁷⁹ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 5 августа 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.11. Л.99–100.

¹⁸⁰ Памятка В.Н. Ламздорфа о железных дорогах в Корее [1898 г.] // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.145. Л.54.

¹⁸¹ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 12 февраля 1898 г. и ответное письмо 15 февраля 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.81, 84–85; Пак Ро Бёг. Борьба капиталистических держав за железнодорожные концессии в Корее в конце XIX – начале XX веков и позиция России // Россия и народы стран Востока. Иркутск, 1993. С.56–64. Концессия на железную дорогу Сеул–Инчхон (20,3 миль) оказалась, в конце концов, у японцев. Они быстро построили трассу, в сентябре 1899 г. состоялась её обкатка, а в июле 1900 г. она была передана в эксплуатацию (Шипаев В.И. Указ. соч. С.36).

¹⁸² Проект секретной инструкции Н.Г. Матюнину 23 декабря 1897 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.56 об.

¹⁸³ Н.Г. Матюнин – В.Н. Ламздорфу 31 января 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.77; Русско-японская война 1904–1905 гг. С.291.

¹⁸⁴ Русско-японская война 1904–1905 гг. С.292. Концессия на дорогу Сеул–Фузан была выдана японскому синдикату 27 августа 1898 г. В число условий входил запрет на отчуждение акций железной дороги и на проживание на станциях дороги иностранцев,

поэтому японцы обратились к России с предложением строить совместно дорогу от Фузана до Инчжоу (через всю Корею) на соединение с КВЖД. Этот план получил одобрение Х. Ито – явно с политических позиций¹⁸⁵. Однако и здесь они не встретили отклика, поэтому соорудили дорогу сами.

В интересе к Корее С.Ю. Витте поддержали военные. Полковник Д.В. Путята в записке, посвящённой Корее, подчеркнул важное значение королевства для России. Понимая, что аннексировать её невозможно, офицер представлял роль Кореи как буфер между Россией и Японией. Петербургу следовало устанавливать своё влияние там экономическими методами и военной мощью (подготовка корейской армии)¹⁸⁶.

С запозданием на такт развернулись и моряки: они озаботились приобретением участков на побережье Корейского залива как для порта, так и необходимой флоту инфраструктуры. Этому содействовал король, подчёркнуто милостиво приняв 18 ноября 1897 г. командира Тихоокеанской эскадры Ф.В. Дубасова. Адмирал просил у коджона продать России полосу земли в Фузанае под угольную станцию¹⁸⁷. Правда, само приобретение требовало времени, так как участок стоил 18 тыс. долларов, и на его покупку требовалась санкция министра финансов. С.Ю. Витте внешне энергично поддержал намерения флотского руководства («я признал бы наиболее целесообразным заручиться теперь же достаточно большими и притом лучшими по своему положению участками», которые имели бы «весьма важное значение для развития в будущем нашего торгового дела в Корее»). Однако он был готов выделить на их приобретение лишь 25 тыс. руб., тогда как для этого требовалось от 33 до 66 тыс. руб.¹⁸⁸ При первых же протестах Англии и Японии против приобретения Россией слишком, по их мнению, крупных участков в Мокпо и Циннампо, открытых для иностранцев во второй половине 1897 г., С.Ю. Витте сразу уменьшил размеры приобретаемой территории, да так, что их оказалось

исключая японцев (Вебер К.И. Записка о Корее до 1898 г. и после // Российское корееведение. Альманах. Выпуск второй. М., 2001. С.141). Фактически строительство этой железной дороги велось на деньги из японского государственного бюджета, так как частный капитал не проявил в ней заинтересованности. К началу русско-японской войны она ещё не была завершена (Шипаев В.И. Указ. соч. С.38–39).

¹⁸⁵ А.И. Павлов – Е.И. Алексееву 11 ноября 1900 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.57. Л.58–61.

¹⁸⁶ Записка Д.В. Путяты о Корее // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.83–92. Мысль о роли королевства как буфера между Россией и Японией вызвала одобрительную помету Николая II.

¹⁸⁷ А.Н. Шпейер – в МИД 3 декабря 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.369–370.

¹⁸⁸ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 11 октября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.10.

недостаточно для сооружения портов (хотя совсем недавно он ратовал за их максимальный размер)¹⁸⁹.

Резкой активизации С.Ю. Витте в Корею воспротивился министр иностранных дел М.Н. Муравьев, предпочитая держать прежний курс на дружественные отношения с Японией. Внешнеполитическое ведомство тормозило действия С.Ю. Витте, призывая его к осторожности и не соглашаясь, например, с огромными полномочиями К.А. Алексеева в Корею (хотя ещё весной 1897 г. речь шла об обратном). Оно также не требовало немедленно удалить его предшественника по управлению корейскими таможнями англичанина Л. Броуна¹⁹⁰.

Несмотря на сопротивление министра иностранных дел, в российской политике в отношении Кореи во второй половине 1897 г. произошёл перелом: выжидание и боязнь испортить отношения с Японией сменились на активность. Своеобразным лейтмотивом нового места Кореи в планах российского руководства могут служить слова С.Н. Сыромятникова (Сигмы), одного из ведущих публицистов «Нового времени» – газеты, считавшейся официозом правительства. Весьма осведомлённый Сигма, к тому же интересовавшийся делами Дальнего Востока, в конце 1897 г. сообщил многочисленным читателям о Корею, предвосхищая дальнейшую политику: «страна эта, столь важная для нас на Востоке, нуждается в русской поддержке и русской культуре»¹⁹¹.

Петербург всё-таки наложил ограничения на размах «нового курса». 1 декабря 1897 г., лично инструктируя отбывавшего в Сеул на место российского посланника Н.Г. Матюнина¹⁹², Николай II ещё раз подчеркнул, что России не следует стремиться ни к завоеванию Кореи, ни к протекторату над ней, наиболее желательным казалось сохранение её независимости. Поэтому назначением К.А. Алексеева и направлением нескольких военных инструкторов следовало ограничиться. Царь особо подчеркнул для передачи непосредственно корейскому монарху, что он не имеет никаких эгоистических намерений

¹⁸⁹ Русско-японская война 1904–1905 гг. С.290–291.

¹⁹⁰ К.А. Алексеев – П.М. Романову 1 января 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.51–53.

¹⁹¹ Сигма. В Корею // Новое время. 1897. 1 ноября. №7748.

¹⁹² Не удивительно, что история с Л. Броуном повлекла за собой смену российского представителя: А.Н. Шпейер, вслед за К.И. Вебером, действовал чрезмерно энергично и самостоятельно, чем, несомненно, вызывал раздражение японцев. Пока в Петербурге обсуждались рамки будущей корейской политики России, он не сбавлял оборотов и уже активно работал в Сеуле над формированием прорусского правительства (!). Всё это возрождало у монарха надежды на Россию (К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 6 февраля 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.71–72). А.Н. Шпейер возглавлял российскую миссию с 24 августа 1897 г. по 28 марта 1898 г., когда его сменил Н.Г. Матюнин.

относительно королевства¹⁹³. Аналогичные наставления, в частности, даже запрет на приобретение новых концессий, новый посланник получил и от министра иностранных дел М.Н. Муравьёва. По сути дела, действия России в Корее увязывались им с активностью Японии и должны были служить лишь ответом ей¹⁹⁴. Тем не менее, в документе опять содержалось немало противоречий. Предписывая дипломату действовать «не вызываяще», чтобы не нарушать уже подписанные соглашения со Страной восходящего солнца, министр одновременно утверждал, что главными устоями России в королевстве служили «войско и финансы», которые следовало «предохранить от всякого воздействия со стороны Японии», что слабо соответствовало имевшимся соглашениям с Токио. Сам же Н.Г. Матюнин по взглядам был ближе энергичной политике С.Ю. Витте. Он ещё в сентябре 1897 г. изложил свои соображения о корейской политике В.Н. Ламздорфу: конечно, на Дальнем Востоке следовало вести себя осторожно, но независимость Кореи казалась ему временной. Пока Россия не могла открыто взять королевство «под державный скипетр царя», следовало заниматься его русификацией: насаждать православие, с помощью русских офицеров организовать сильную национальную армию, воспитывать детей корейской знати в России и т.п.¹⁹⁵

Ставка на активность русской политики в Корее продолжалась недолго. На Особом совещании 15 ноября 1897 г., посвящённом занятию Германией Цзяочжоу, С.Ю. Витте заявил о желательности для России иметь незамерзающий выход в Тихий океан и что «наше наступательное движение на Восток должно этим кончиться»¹⁹⁶. Показательно то, что министр финансов в своем выступлении нигде прямо не заявил, на какую именно гавань претендует Россия, учитывая же его горячее желание не допустить японское влияние в Корее¹⁹⁷, можно предположить, что С.Ю. Витте имел в виду один из портов восточного побережья Кореи. Тому есть ряд косвенных свидетельств. Например, письмо П.М. Романова Ф.К. Авелану 19 ноября 1897 г. с просьбой о предоставлении топографических сведений о бухтах Кореи, так как Министерство финансов разрабатывало вопрос «о возможности развития в ближайшем будущем коммерческой деятельности портов Корейского побережья» (это можно понять

¹⁹³ Запись аудиенции Н.Г. Матюнина у Николая II 1 декабря 1897 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.53. Л.16–17.

¹⁹⁴ Инструкция М.Н. Муравьёва Н.Г. Матюнину 2 января 1898 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.6. Л.90–98.

¹⁹⁵ Н.Г. Матюнин – В.Н. Ламздорфу 30 сентября 1897 г. (копия) // ОР ИРЛИ. Ф.262. Оп.1. №261. Л.1–2, 5. Одновременно Н.Г. Матюнин предлагал просто аннексировать у Китая Гириинскую и Хэйлунцзянскую провинции и сосредоточить там отборные русские войска (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.793. Л.3, 16).

¹⁹⁶ Журнал Особого совещания 15 ноября 1897 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.120. Л.3.

¹⁹⁷ Там же.

как намерение превратить один из них в конечный пункт Сибирской железной дороги ибо позиции русской торговли в королевстве были ничтожны)¹⁹⁸. В январе 1898 г. аналогичный запрос последовал в адрес Е.И. Алексеева¹⁹⁹.

5.7. Захват Порт-Артура и пересмотр корейской политики России

Очередная перемена курса в отношении Кореи произошла после того, как Петербург принял решение ввести свои корабли на рейд Порт-Артура и Даляньваня в декабре 1897 г. Эти две проблемы были тесно связаны между собой. В отличие от министра финансов, М.Н. Муравьев, настоявший на захвате китайских портов, рассматривал нахождение русских кораблей там скорее как временное, для давления на Китай, чтобы приобрести более удобную гавань и только в комбинации с уступками Японии на Корейском полуострове. Нет оснований полагать, что министр иностранных дел предполагал полностью отказаться от всякого влияния в королевстве в пользу Токио, но вот не допускать там никакой активности впредь – было решено сразу. М.Н. Муравьев подтвердил прежнюю точку зрения: не делать в Корее ничего, что могло бы вызвать недовольство и подозрения в Японии²⁰⁰. Министр назвал «совершенно неуместными» намерения Ф.В. Дубасова послать в Сеул 300 моряков для «охраны» короля в ответ на слухи о приходе английской эскадры (несмотря на то, что сам М.Н. Муравьев воспользовался подобным слухом, чтобы захватить Порт-Артур)²⁰¹. 11 декабря 1897 г.,

¹⁹⁸ РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1090. Л.1.

¹⁹⁹ Там же. Л.33–37.

²⁰⁰ М.Н. Муравьев – П.П. Тыртову 6 января 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.244–245. Однако военные думали иначе. Видимо, они опасались агрессивных действий Токио именно в Корее и готовились к ответным действиям. В начале 1898 г. в частях Приамурского военного округа ходили «смутные слухи о формировании какого-то отряда и предстоящего его похода, как говорили, в Корею для оккупации главных её центров; однако секрет если не самого формирования, то предстоящего назначения этого отряда был сохранён» (Тыртов М.А. Из недавнего прошлого военно-судебного деятеля // ОР ИРЛИ. Разряд I. Оп.27. №75. Л.1).

²⁰¹ М.Н. Муравьев – П.П. Тыртову 7 декабря 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.99–100. Ф.В. Дубасов, в отличие от министра иностранных дел, рассматривал слух о приходе англичан в Чифу как ответ на назначение К.А. Алексеева главой корейских финансов и полагал, что России в качестве ответной меры следует захватить порт Мазанпо и остров Кожедо (Каргодо) (Ф.В. Дубасов – П.П. Тыртову 27 ноября 1897 г. // Там же. Л.25). Занятие Порт-Артура не остановило адмирала: он продолжал настаивать на осуществлении своих корейских планов, беспокоясь за судьбу короля, которого могли свергнуть японцы, и за влияние России в королевстве (Ф.В. Дубасов – П.П. Тыртову 27 декабря 1897 г. // Там же. Л.218–222). Китайский порт его не устраивал, так как бухта Порт-Артура была неудобна для стоянки флота: ему мешали сильный боковой ветер, неглубокий рейд, необходимость установки волнорезов (Ф.В. Дубасов – П.П. Тыртову